



Горбань В.С. Историографический анализ психологических теорий права // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 141-163. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_4_141

УДК 340.12

DOI 10.17506/26867206_2024_24_4_141

Историографический анализ психологических теорий права

Владимир Сергеевич Горбань

Институт государства и права Российской академии наук
г. Москва, Россия
E-mail: gorbanv@gmail.com

*Поступила в редакцию 22.09.2024, поступила после рецензирования 21.10.2024,
принята к публикации 06.11.2024*

В статье рассматривается проблематика историографии психологических теорий права, отчетливо сопровождающих эволюцию политико-правовой мысли на протяжении более чем двух столетий. Интерес к теме обусловлен существенным дефицитом историографической литературы, касающейся вопросов возникновения, формирования и основных направлений развития психологических теорий права в русле политико-правовой мысли последних двух столетий. Имеющиеся обзорные и специальные исследования психологических теорий права в истории политико-правовой мысли, за редким исключением, пока лишь эпизодически рассматривают психологические подходы к праву, не говоря уже об отсутствии самостоятельной разработки историографии психологического направления в эволюции современной политико-правовой мысли. Решение этой проблемы связано с пересмотром отношения к принципам историографической работы с политико-правовыми учениями прошлого и современности, повышением качества освещения оригинальной литературы, включением в предметное поле соответствующих историко-философских



© Горбань В.С., 2024

и проблемно-теоретических реконструкций общей литературы, особенно ценной для детальной разработки психологического направления в эволюции юридической мысли, изучением жанровой и сюжетной характеристик психологических трактовок права. Для науки истории политико-правовых учений значимыми могут быть уточнения и обобщения, которые делаются в исследовании в связи с изучением историографии психологических теорий права.

Ключевые слова: психологические теории права, история политико-правовой мысли, юридическая историография, правовое чувство, общая литература, психоанализ, взаимное признание, психология права, историческая психология

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научного проекта «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

A Historiographical Review of Psychological Theories of Law

Vladimir S. Gorban

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

E-mail: gorbanv@gmail.com

Received 22.09.2024, revised 21.10.2024, accepted 06.11.2024

Abstract. The article explores historiographical issues related to psychological theories of law, which have influenced political and legal thought for over two centuries. The growing interest in this subject stems from a significant lack of historiographic literature addressing the origins, development, and key trends of psychological theories of law within the broader context of political and legal ideas over the past two hundred years. Existing reviews and specialized studies on psychological theories of law in the history of political and legal thought have, with few exceptions, only occasionally considered psychological approaches to law. Moreover, there has been a lack of independent development in the historiography of this psychological direction within the evolution of contemporary political and legal thought. Addressing this gap requires a revision of our approach to the principles of historical research, as well as a heightened emphasis on original literature, including relevant historical, philosophical, and problem-theoretical reconstructions. Such an approach would facilitate a deeper understanding of the psychological trends in the development of legal thought. Additionally, it is crucial to investigate the genre and thematic characteristics of psychological interpretations of law. The history of political and legal doctrines could greatly benefit from the insights gained through this research, potentially leading to significant refinement and generalization in our comprehension of psychological theories of law.

Keywords: psychological theories of law; history of political and legal thought; legal historiography; legal sense; general literature; psychoanalysis; mutual recognition; psychology of law; historical psychology

Acknowledgments: The research was conducted as part of the scientific project “Creation of a Russian Historiographical Model of Political and Legal Knowledge and Its Application for the Development of Promising Means of Countering Ideological Distortions of the Civilizational Development of Russia”. The project received financial support from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (Agreement No. 075-15-2024-639 dated July 12, 2024).

For citation: Gorban V.S. A Historiographical Review of Psychological Theories of Law, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 141-163. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_4_141

Введение

Формирование современных подходов к историографии юридических и социально-гуманитарных наук относится не только к важным общетеоретическим и методологическим исследовательским задачам, которые должна активнее ставить перед собой современная наука, но и к области стратегического планирования государственной деятельности, обеспечения безопасности и устойчивости развития общества и индивидуальных свобод граждан. Вопросы объективной трактовки истории стали предметом обсуждения на заседании Совета безопасности РФ от 20.09.2024.¹

Для развития науки, в частности политико-правовых знаний, сегодня нужны концептуально иные подходы к обеспечению полноты, достоверности и условий открытого культурного диалога по наиболее важным событийным моментам мировой и национальной истории. К сожалению, и в области философии права, истории политических и правовых учений, теории государства и права, отраслевых юридических дисциплин встречаются существенные искажения важнейших исторических вех и событий, односторонние и явно неточные трактовки значимых характеристик правопонимания, правопознания и типов развития политико-правовой мысли, культурно-цивилизационных аспектов права и государства. Для развития науки нужно укреплять чувство собственного достоинства в историческом самосознании, почвенность культуры, стремиться к поиску достоверных знаний, опираясь на большие массивы данных, научно-критически разоблачать попытки фальсификации истории и историографии. Частным в общем контексте, но тем не менее важным элементом российской историографической модели политико-правовых знаний является разработка различных типов развития и направлений анализа права в русле влияния социально-психологических наук, определивших значительную часть всего предметного поля юридической литературы на протяжении уже более полутора столетий.

В историографии политико-правовых учений вопросы научного освещения возникновения и развития психологических теорий права, подходов к праву, ориентированных на познавательные возможности психологии,

¹ Путин обсудил с членами Совбеза объективную трактовку истории, 20.09.2024. URL: <https://iz.ru/1762259/2024-09-20/putin-obsudil-s-chlenami-sovbeza-obektivnuiu-traktovku-istorii?ysclid=m1djyxxkxj940077164> (дата обращения: 11.11.2024).

пока не получили надлежащей разработки. Психологически ориентированные концепции, учения и теории правопонимания и правопознания составляют значительную часть всего предметного поля юридической мысли и на протяжении уже более чем полутора веков привлекают к себе внимание исследователей. Успехи в развитии психологии и ее отдельных направлений служили и служат важнейшим ресурсом для уточнения имеющихся представлений о природе права и правовых явлений, способны существенно расширить познавательные возможности юриспруденции, высветивая и объясняя характерные черты психологических механизмов возникновения, формирования и функционирования права в индивидуальном и групповом общении.

Для истории политико-правовой мысли по-прежнему актуальной остается историко-философская и обзорно-проблемная реконструкция развития психологических теорий права, хотя в этом направлении уже имеются значительные успехи современных ученых (Савенков 2022). Вместе с тем ни в отечественной, ни в зарубежной юридической науке, несмотря на то что вопросы психологических аспектов в интерпретации понимания права давно заняли самостоятельное место, пока не существует разработок, охватывающих основные направления и вехи развития этого профиля политико-юридических дисциплин, показывающих характер, логико-понятийное своеобразие и социально-практическое назначение различных психологически ориентированных юридических концепций. Отсутствие историографических исследований психологических теорий права сказывается самым негативным образом на утверждении, популяризации и выработке концептуальных основ эффективных средств совершенствования правового регулирования. Историографические исследования психологических теорий права и релевантных подходов к праву позволяют значительно точнее представить действительное развитие юридической мысли, по крайней мере последних двух столетий, осветить успехи и выявить ложные интерпретации значения и смысловых характеристик психологических приемов правопонимания. Это важно и для формирования правового образа будущего, создания современных базовых основ прогрессивного движения юридических исследований, в том числе с помощью прослеживания взаимосвязи с психологией и ориентированными на нее познавательными установками.

Ориентация на психологию в политико-правовой мысли

Юридическая мысль уже даже в самых ранних своих проявлениях непременно сопровождалась тем или иным вариантом обсуждения роли человека как источника правовых идей и правовых переживаний. Давно было замечено, что право не только мыслится, но и переживается. Современные успехи психологии, конечно же, позволяют переосмыслить событийные ряды в политических и правовых учениях прошлого и современности. Этому может успешно содействовать: психология личности, психоанализ, данные коллективной психологии и другие направления психологии, пре-

жде всего ориентированные на антропологические и культурологические аспекты развития индивида и общества. Одним из важнейших и пока мало реализованных направлений применения данных психологии может считаться использование результатов исследований советской философско-психологической школы — Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева и др. Например, у А.Н. Леонтьева содержится чрезвычайно важная для понимания как сущностных аспектов права, так и эволюции представлений о нем разработка проблематики соотношения субъективного смысла и объективного значения (Леонтьев 2012: 186-187, 257). На сознательном или имплицитном различии этих ракурсов строятся многие современные юридические и философско-правовые концепции.

В историографическом плане ориентация политико-правовой мысли на выяснение объективно значимых закономерностей или многообразии субъективного смысла дает весьма ощутимые результаты, позволяет значительно точнее показать не только характер и направления развития политико-правовой мысли, но и глубокие связи с различными постулатами определенной национальной культуры, общественно-религиозного сознания.

Психология и психологические ориентированные установки познания помогают точнее раскрыть предмет юриспруденции, показать его отдельные существенные аспекты и грани, сделать более отчетливым представление о связи с механизмами психологической деятельности человека и психологически фиксируемыми закономерностями общественного сознания. Попытки подчинить науку права психологии выглядят упрощением, не учитывающим своеобразие предмета. Однако и попытки очищения юриспруденции от примесей других наук, включая психологию, выглядят также малоубедительно и отличаются такой же тупиковостью. Так, один из популярных сторонников такого рода очищения юридической науки Г. Кельзен настаивал на том, что его «чистая» теория должна пониматься как теория интерпретации правовых норм (Kelsen 2017). Но если это теория *интерпретации*, то какая же в ней, спрашивается, может быть объективная чистота? Или это набор шаблонов для того, чтобы не позволять носителю субъективного смысла ставить вопрос о разнообразии этих самых смыслов? Тогда нужно просто научить думать одинаково. Но разве это объясняет природу права? Или дает основания для развития юридической науки? А ведь сам Г. Кельзен называл свое якобы чистое логическое учение о праве органическим, а уж в попытках отождествления права и государства, включая связанное с разъяснением государства использование макроантропологических метафор (Kelsen 2017: 344-345, 500), вообще нарисовал совершенно противоположную картину, далекую от чистой логики метода интерпретации. То, что написано в работах Г. Кельзена, было хорошо известно как очевидный факт. Идеи основной нормы, права как принудительных норм, нормативных фактов и прочее были разработаны предшественниками австрийского юриста. У него они собраны в программу интерпретации, своего рода руководство по использованию знаний. А уже дальнейшая комментаторская и критическая литература придала

множество витиеватых оттенков его размышлений, которые не всегда присутствуют и у самого автора.

Отрицая роль социологии и психологии, а также политической морали, Кельзен повсеместно пользуется категориями и средствами выразительности из этих областей. Даже названия главных разделов его сочинения «статика» и «динамика» прямо отсылают к эмпирическим наукам о человеке и обществе. Можно отыскать корни этих названий и в механике XVII в., но на этом построена прежде всего социология и психология в интерпретациях этих дисциплин, которые характерны для периода их формирования в XIX в. Это был один из самых популярных в XIX в. приемов анализа, не утративший своего значения и сегодня. Речь идет о заимствованных из биологии представлениях об анатомии и физиологии социальных явлений, включая и право, что, например, впервые отчетливо проявляется в работах Р. Иеринга уже в 1852 г., который настаивает на том, что право, уподобляемое организму (человеческой свободе), должно постигаться с анатомической и физиологической точек зрения, т.е. с точки зрения его структуры и функций (Jhering 1852). Он одним из первых разрабатывает и применяет структурно-функциональный анализ для изучения права и формирования дисциплинарного облика теории права.

Уже в работах П. Фейербаха, известного специалиста в области уголовного права и философии права, на рубеже XVIII–XIX вв. высказывались соображения, в которых подчеркивалась роль и значение психологического понимания права (Фейербах 1810). Наряду с тем, что он выделил роль предупреждения в качестве средства правового воздействия на преступника и тем самым допускал возможность его исправления, к так называемым вспомогательным знаниям в области уголовного права он относил «науки в собственном смысле, среди которых... во-первых, *Философия*, а именно, 1) *Психология (душесловие)*...» (Фейербах 1810: 5). В качестве рекомендуемых по этому пункту работ были названы им сочинения: Федерата «Исследования о воле человека» в 3 частях (1785 г.), Шмидта «Эмпирическая психология» (1791 г., 2-е изд.), Якоба «Очерк опытного учения о душе» (1795 г.), Канта «Антропология в прагматическом отношении» (1798 г.), а также Шаумана «Идеи о криминальной психологии» (1792 г.).

П. Фейербах рассматривал психологическое принуждение (предупреждение преступлений, причем и общее, и индивидуальное, «законное угрожение» в переводе 1810 г. или законная угроза воздержания от совершения преступлений) как необходимый способ недопущения преступлений. Он писал: «Всякие нарушения прав и всякие преступления заимствуют психологическую свою первоначальную причину или основание от чувственности, когда сила желания человека, удовольствием какого деяния или его последствием, побуждается к совершению такого деяния» (Фейербах 1810: 14).

Учебник П. Фейербаха был впервые издан в 1801 г., т. е. уже несколько лет спустя после сочинения Канта «Метафизические начала учения о праве». В этом последнем мотивы совершенно исключены из области права. Это, по Канту, сфера исключительно морали. Он подчеркивал, что для пра-

ва мотивы поступков («произволения») совершенно не имеют никакого значения. И вот буквально 4 года спустя в сочинении П. Фейербаха мотивы поведения оказываются одной из центральных тем. Да и сама философия понимается как психология. Конечно, Кант, как никто другой, содействовал тому, чтобы отчетливо показать и разделить сферы чистой гносеологии и реальной психологии. Его самого нередко в последующем упрекали в том, что он был настолько непоследователен в своей теории познаний, что в наименьшей степени способствовал развитию понимания познания как реально-психологического процесса (Франк 1909).

В конце 1830-х гг. известный немецкий ученый Г. Аренс, находясь в вынужденной политической эмиграции, в Париже публикует первоначально на французском языке сочинение «Естественное право, или философия права и государства: на основе этической связи права и культуры» (Ahrens 1870).

Г. Аренс, один из самых влиятельных и популярных философов права в XIX в. (в немецкой юридической литературе утверждается, что он среди юристов был значительно популярнее Канта и Гегеля) (Kaufmann et al. 2004: 70), следует философии Краузе, который рассматривал соотношение философии и истории, в отличие от Гегеля, в их относительной самостоятельности и внутренней связи. У Гегеля это все было монолитным феноменом. По мнению Краузе, идеи появляются друг за другом в конкретно-историческом развитии людей и народов в том же порядке, в каком они существуют вечно. Однако вследствие человеческой свободы рано или поздно возникают разнообразные отклонения, отставания в развитии, опережения и замедления. Поэтому философия истории должна выполнять задачу при помощи познания законом развития, ориентируя относительно средств и путей, стать проводником жизненной мудрости при реализации принципа или идеи права.

Г. Аренс полагал, что идея права философско-правовым путем выводится из сущности и назначения человека и общества, на этой основе возникает правовой идеал для осуществления в государственном устройстве и управлении (Ahrens 1870: 5). Отсюда, чтобы понять право, нужно заняться изучением внутреннего опыта, человеческой сущности. Тема, собственно говоря, не была новой. Она известна на протяжении всей истории политико-правовой мысли. И прежние теории естественного права уделяли внимание какой-то одной стороне человеческой сущности. Достижением своего времени он считает попытку объединить все разнообразные стороны сущности человека и общества в понятие «благо» или «блага». Это позволит изучить, как объясняет Г. Аренс, сущность человека полнее и глубже. Значит, с методологической точки зрения для разработки понятия права в таком углублении в сущность человека ценными будут три аспекта: а) *аналитический*, который исходит из *психологического* исследования правовой идеи, так как она проявляется в сформировавшемся сознании, б) *антропологический*, связанный с рассмотрением человеческой сущности в ее способности, силах и основных связях и в) *этический*, который предполагает, что все человеческие силы и отношения обусловлены основным принципом блага

или благ, как содержанием всех жизненных отношений и жизненных целей (Ahrens 1870: 224-225).

Соответственно в работе Г. Аренса на первый план выходит отдельный параграф, посвященный «психологическому исследованию понятия права» (Ahrens 1870: 225).

Право, по Г. Аренсу, относится к идеям, подобно истине, благу, красоте, нравственности, и выступает в сознании как руководство для оценки существующего и основанием для требования о его улучшении (Ahrens 1870: 226). Оно относится к практическим законам, которые управляют волей и поступками человека. Но не воля или свобода создают право, равно как не создают его на основе принципа власти и подчинения. По утверждению Г. Аренса, основание права следует отыскивать в «отношениях человеческой жизни», которые, по существу, представляют собой отношения по поводу благ (Ahrens 1870: 227). Поэтому задача философии права в ее истинном психологическом изучении права направлена на познание данных отношений и следование ей составляет руководящее начало на все времена.

Г. Аренс еще пока осторожен в оценках роли мотивов поведения в составе понятия права. Однако, в отличие от многих своих предшественников и современников, он считал, что понятие права должно распространяться и на отношение человека к самому себе, что подразумевает вопрос о мотивах поведения (Ahrens 1870: 228). Он подчеркивает значение психологии и морали, которые различают разные типы духовно-интеллектуальной деятельности человека. Его интересует, как исследования деятельности мозга и нервной системы помогают понять «факты внутренней жизни» человека, его душевные состояния (Ahrens 1870: 234). Он отвергал материалистические и пантеистические трактовки природы человека, полагая, что все дело заключается в функционировании органов человека и что новейшая психология может помочь распознать условия (мотивы) реализации личностью своего нравственно-культурного назначения в отдельных сферах жизни.

Идеи Г. Аренса созвучны основным течениям времени, когда формируется психологическое направление в юридической мысли. Он ссылается на значимость разработки внутреннего опыта и фактов психологической жизни, высказывается в пользу изучения мотивов поведения и поступков. Исходным в его общей концепции является представление о естественном нормальном состоянии, которое связано с определенными состояниями, характеризующимися как отклонения от нормального состояния. И в этом смысле право выполняет роль путевода в условиях использования воли, свободы, сознания, чувств и интеллекта для осуществления жизненных отношений и целей человека в индивидуальном и групповом общении.

Призывы к изучению внутреннего мира человека, глубокий психологизм отличали реализм, пришедший на смену романтизму предшествующей эпохи. Если последний относился к личности как к деятельному началу, активному и преобразующему действительность, то реализм в целом относился к человеку как к пассивному началу, как к противостоящему внешней среде; он погружен во внутренний мир и переживания. В интеллектуальной культуре XIX в. реалистическая доминанта характеризует широкие пласты

литературы, в которой фиксируется глубина и детальность внутреннего мира, показывается роль психологизма как одного из основных приемов познания мира человека. Действительно, реалистическая литература сформировала внушительную основу для развития психологии и психологических теорий права. Литература всегда раньше реагировала на потребности и запросы времени, поэтому оказывалась на передовых позициях в освоении тех тем, которые становились затем релевантны для науки.

Основные проблемы содержания и направления развития психологических теорий права

В 1878 г. выходят в свет «Очерки по энциклопедии права» П. Деларова. Это первая из известных попыток формулирования психологических теорий права в русской и западноевропейской литературе. Она появилась задолго до будущих работ более известного, также петербургского ученого Л.И. Петражицкого. Деларову импонируют идеи позитивизма, в котором он видит основу для преодоления вечного спора идеализма и реализма, а также научную основу для изучения «сфер умственной деятельности человека», идеи французского писателя И. Тэна, немецкого философа Тренделенбурга.

П. Деларов пишет: «...позитивизм и является в настоящее время единственной философской системой, имеющей широкую будущность...» (Деларов 1878: 26-27). Только исследовать новая философская система должна внутренний опыт, как «образование понятий о психических процессах не настоящих, а прошедших, отражение в сознании – душевных явлений, не продолжающихся, а уже законченных» (Деларов 1878: 63). Истоки психологического позитивизма Деларова также лежат в учениях Локка, Беркли, Фихте, которые в разной степени, но в целом единообразно отрицали существование внешнего мира и признавали лишь ощущение или субъективное «я». Вслед за ними и Деларов пишет: «Бытие и небытие, существование и несуществование – не более, как акты человеческого ощущения и, вследствие этого, категории, или понятия, человеческого ума» (Деларов 1878: 67).

Как полагал Деларов, в области юридической жизни, психологии, хозяйства, религии и искусства «человеческий ум возводит субъективные категории в объективные, психологические в физические, признает за явлениями, совершающимися в нем самом, значение явлений, совершающихся вне его» (Деларов 1878: 335). «В сфере права ум придает отдельным человеческим действиям, представляющим те или другие объективно существующие, ингерентные признаки, качества справедливого и несправедливого, но признает эти атрибуты объективно присущими самим человеческим действиям...» (Деларов 1878: 335).

И вот в условиях дефицита научной литературы, которая бы занималась глубоко и основательно вопросами индивидуальной и коллективной психики, П. Деларов обращает внимание на то, какую роль в этом играет общая литература, авторы повестей и романов. Он пишет: «Я ничего не знаю более невежественного и тупоумного, как отношение теперешней науки

к беллетристике. <...> Романисты начали изучение массы вопросов, которыми должны бы были, собственно говоря, заниматься ученые, в техническом смысле этого слова... <...> ...критика возвела величайших исследователей человеческого сердца в “моралистов” и увидела в их психологических наблюдениях, в результатах глубокого и тонкого анализа не научные данные и материалы, а моральные сентенции, практические рецепты, прописные и конфетные нравоучения» (Деларов 1878: 90-92).

И. Тэн писал: «...литературное произведение не есть простая игра воображения, самородный каприз, родившийся в горячей голове, но снимок с окружающих нравов и признак известного состояния умов» (Тэн 1896: 3). Вот его лапидарные суждения о том, как с помощью литературы можно и нужно изучать историю:

- источники истории суть лишь указания, при помощи которых надо восстановить видимого индивидуума;
- видимый, телесный человек есть лишь указание, при помощи которого надо изучать человека невидимого, его душу;
- в основе свойств и действий человека лежат известные общие направления мысли и чувства.

По мнению И. Тэна, «история, в сущности, не что иное, как *психологическая* проблема» (Тэн 1896: 39). Он, в частности, пишет: «Ничто не существует помимо индивидуума. И нам нужно узнать самый индивидуум. Когда установили филиацию догматов, или классификацию поэм, или прогресс конституций, или трансформацию наречий, – этим лишь расчистили почву. Настоящая история создается лишь тогда, когда историк начинает различать сквозь мрак отделенного времени *живого* человека, действующего, одаренного страстями, имеющего свои привычки, голос и свою физиономию, свои жесты и платье; когда он различает его ясно и отчетливо, как того человека, который нам вот только что встретился на улице» (Тэн 1896: 5).

Среди всех национальных литератур очевидной и наиболее наглядной особенностью русской литературы является глубокий психологизм, который отнюдь не связан только с интеллектуальными настроениями XIX в. Он коренится в древнерусской культуре и литературе, проявляется как сквозная характеристика русской литературы. Поэтому как для надлежащей реконструкции политико-правовой мысли в целом, так и для психологического направления в ней общая литература представляет собой ценнейший и пока мало представленный в научном обиходе источник исследования. Изучение национальных литератур в свете историографии политико-правовых учений способствует существенному развитию как предметных характеристик, так и применяемых методов. Например, если мы сравним состояние национальной литературы в Западной Европе определенной эпохи с латинскими и греческими текстами, осваиваемыми и перерабатываемыми, в частности, в церковно-монашеской традиции, в политическом образовании, в делопроизводстве, то срез эпохи начинает выглядеть совсем иначе, приобретает по-настоящему реалистические черты и достоверные характеристики. К этому нужно еще прибавить

значение жанровости, тропированности, сюжетов и прочих элементов, которые, в частности, многое могут сообщить о характере того внешнего и внутреннего человека, которого как атрибут настоящего исторического знания предлагал отыскивать И. Тэн. Среди пока еще немногих попыток изучения общей литературы в реконструкциях истории философии права выделяется «История философии права» Г.Ф. Шершеневича (Шершеневич 2001).

В конце 1860-х – начале 1870-х гг. Р. Иеринг активно использовал психологические подходы для объяснения права. В 1852 г. он пишет о том, что жизнь – индивидуальная и социальная – диктует праву его логическую структуру, его понятия и его форму (Jhering 1852: 40). В 1854 г. в продолжении «Духа римского права» он обсуждает разницу между пониманием права как идеи и «живого права действительности», права человека, погруженного в поток страстей, переживаний, борьбы (Jhering 1854: 21-22). В 1868 г. в Вене он выступает с докладом «Является ли юриспруденция наукой?» (Jhering 1998: 66), в котором, отвечая на запросы времени, в том числе Ю. Кирхманну в его провокационном докладе «О бесполезности юриспруденции как науки» (Kirchmann 1848), пишет о том, что «человеческая совесть и практическая потребность – это конечные источники права» (Jhering 1998: 67). «Первый и изначальный источник права, – пишет Р. Иеринг, – находится в каждой человеческой груди, а второй, который лишь присоединяется к этому, потребность, нужда жизни и практический рассудок, который искал правовых средств для необходимых целей» (Jhering 1998: 67).

Сочинения Р. Иеринга внесли большой вклад в развитие психологии права как направления теоретического правоведения, разработку различных психологически ориентированных приемов изучения права и его трактовки. В этом отношении особенно выделяются 2-й и 3-й венские доклады Иеринга: «Борьба за право» и «О возникновении правового чувства». В предисловии к сочинению (на основе венского доклада 1872 г.) «Борьба за право» он так и пишет, что произведение это по «психологии права» и именно в этой области оно находит свое применение (Jhering 1872: V). Основой «Борьбы за право» стали мотивы правового поведения, а отношение к идее «борьбы за право» рассматривалось автором не как практическая возможность, несмотря на начальную постановку вопроса, а как нравственная обязанность, как продолжение личности в ее нравственной связи с обществом. За общим осуждением человека, отказывающегося отстаивать свое право ради комфорта или личной выгоды, следует обсуждение мотивов, которые оказываются наиболее решающими для различных профессий и социальных групп в отстаивании своего права. В работе нет никакой связи с представлениями о классовой структуре общества, несмотря на встречающиеся в литературе попытки безосновательного отнесения взглядов Р. Иеринга к сторонникам классовой борьбы и тем самым марксизма. У Иеринга речь идет лишь о социологически ориентированной психологии права, изучении мотивов отношения к праву, осуществления и отстаивания своего права, исходя из их разнообразия: от эгоистических и материальных до альтруистических и нравственных.

При написании сочинения «Цель в праве» Р. Иеринг столкнулся с существенной и сложной проблемой понимания роли и значения этических мотивов. Эгоистические мотивы правового поведения не представляли особой сложности. Для их выправления, ограничения и прочего имеется принудительная норма права и стоящий за ней аппарат государственного принуждения. Но как понять этические мотивы правовых поступков? – задавался вопросом Иеринг. В итоге размышления над этим вопросом заставили автора пересмотреть всю его юридическую концепцию и признать право частью «телеологической системы нравственного миропорядка» (Jhering 1889: X).

Чтобы раскрыть структуру целей и мотивов правового поведения, Иеринг утверждал, что в основе любого нравственного миропорядка, в том числе «порядка права», лежит схема из трех лапидарных положений: «я для себя, мир для меня и я для мира» (Jhering 1904: 50).

И в «Цели в праве», и в третьем венском докладе «О возникновении правового чувства» Р. Иеринг уделяет много внимания проблеме социализации личности, тому, какой опыт общения оказывается наиболее действенным в формировании правового чувства и правосознания, как право переживается и как право мыслится.

Для Р. Иеринга человек благодаря индивидуальному опыту, обыденному словоупотреблению и другим факторам становления личности и ее сознания приходит к обретению правового чувства и индивидуального правосознания: «Между тем в игре со своими товарищами ребенок учится практической жизни больше и лучше, чем из “учений о мудрости и добродетели”. На примере мяча своих товарищей, который он пытается присвоить, он совершает первое практическое знакомство с понятием собственности, и отпугивающее впечатление от пороков своих товарищей учит его первой морали» (Jhering 1904: 59).

Р. Иеринг, хотя и начал обсуждать проблематику мотивов поступков в русле «психологии права», в дальнейшем усиливал внимание к социологическим аспектам права и, в частности, писал: «Субъективное нравственное чувство – это не исторический prius, а posterius реального, благодаря практической цели созданного мира, и только когда оно образовалось на основе независимо от него возникшего мира и когда оно набралось сил, подает оно свой голос, чтобы то, что оно выучило в мире, применить к миру, масштаб, который оно путем бессознательной абстракции общих принципов заимствовало у него, чтобы применить к нему самому, т.е. требуя, чтобы он принципы, которые он до сих пор несовершенно реализовал, осуществлял бы совершенно – это ребенок, который, когда он вырос, критикует мать согласно ее собственным поучениям» (Jhering 1905: X-XI).

В докладе «О возникновении правового чувства» сказывается явный недостаток философского образования, который Иеринг пытался компенсировать за счет воспроизведения популярных в науке идеи: «Не подлежит сомнению то обстоятельство, что наше правовое чувство часто противится правовым учреждениям, что мы чувствуем себя в противоречии с этими учреждениями. Откуда появляется это противоречие, если наше правовое

чувство является не чем иным, как продуктом правового порядка, который нас окружает? И на это я отвечаю, это основано на той способности к абстракции человеческого духа, без которой нам человек вовсе не может мыслиться, которая при каждом конкретном случае что-нибудь абстрагирует» (Jhering 1965: 296).

Лишь «человеческий ум» и «человеческий опыт», по мнению Р. Иеринга, делают человека умнее. С этой способностью человек вступает в мир, но «вскоре он замечает, – писал Р. Иеринг, – что он должен покориться определенным законам, если он хочет жить совместно с другими; эти опыты накапливаются, и так проявляются, наконец, принципы, которые касаются его совместной жизни с другими» (Jhering 1965: 282).

Теоретически разработанную концепцию психологической интерпретации права и правовых явлений впервые в юридической науке предложил Р. Бирлинг в конце 1870 гг. Ее содержание было изложено в двухтомном сочинении «Критика основных юридических понятий» (Bierling 1877; Bierling 1883). Позднее оно было переработано в пятитомное сочинение «Учение о принципах права», первый том которого был издан в 1894 г. (пятый – в 1917 г.) (Bierling 1961). В немецкой юридической науке Р. Бирлинга традиционно определяют как сторонника психологического юридического позитивизма, который признает право исключительно как психологический факт и развивает вокруг данной идеи всю свою теорию. Действительно, психологическая теория права Р. Бирлинга содержит детальное развитие основного метода при разъяснении основных вопросов правопонимания и, в сравнении со многими современниками, предлагает объемлющую разную структуры правовой теории проработку ключевых вопросов.

По убеждению Р. Бирлинга, «*правом* в юридическом смысле в целом является то, что люди, живущие вместе в каком-либо сообществе, взаимно признают как норму и правило их совместной жизни» (Bierling 1961: 19). Для более точного разъяснения данного определения предлагаются несколько критериев: цель – регулировать внешнее поведение во взаимоотношениях людей, средство – нормы или императивы, направленные на волю человека, и признание соответствующих норм и императивов именно с обозначенным целевым назначением.

Взгляды Р. Бирлинга часто именуются теорией признания права. У него последовательно проводится мысль о том, что право основывается на принципе взаимного признания. Именно Бирлинг еще в 1870-х гг. предложил формулу взаимного признания, ставшую позже популярной в зарубежной и современной российской юридической литературе. Он утверждал, что право не является чем-то объективным и существует как психологический факт. На этом основании разрабатывалась им проблематика соотношения объективного и субъективного права, теория классификации правовых норм, вопрос о соотношении прав и обязанностей в структуре субъективного права, идея основной нормы и нормативного порядка и многие другие. Предложенная им формула взаимного признания предполагала как прямое, так и косвенное признание. Современники и критики Бирлинга упрекали его в том, что он оставил понятие «взаимное признание» недостаточно

разъясненным. Оно, действительно, нередко от психологического акта переходит произвольно к признанию как логически необходимому действию (по типу гегелевской логики). Однако в целом нужно заметить, что Р. Бирлинг определил многие популярные течения XX в. и наших дней. Прямо как научную проблему идею понимания права с помощью формулы взаимного признания сформулировал именно он. Поэтому современные трактовки права, ссылающиеся на аналогичную формулу, лишь интерпретируют давно известную теорию. Кроме того, именно психологический срез восприятия права позволил ему проработать существенные вопросы теории права, ставшие основными темами в работах многих юристов будущего XX в.

К. Бергбом в начале 1890-х гг. издает ставшее классическим сочинение о критике естественного права и апологетике юридического позитивизма (Bergbohm 1892). Ему принадлежит одна из любопытных объяснительных формул «удачное право», созвучная тому, что писал Р. Иеринг о законодателе, который издает законы без учета реальных социальных интересов и потребностей, характеризуя такие случаи как «интеллектуальное хулиганство». Взгляды К. Бергбома связаны прежде всего с критикой литературы, которая оказалась неспособной превратить отвлеченную философию права в стройную науку о праве, основанную на познании закономерностей и структурных связей права как научных фактов.

По мнению К. Бергбома, ни смелые гипотезы, ни остроумные размышления, ни политические и социологические аксиомы сами по себе не могут составлять настоящую науку о праве, если не принимается во внимание принципиальная обусловленность «философии права, или “любой юриспруденции”, следующими факторами: а) институтами позитивного права; б) единственным *научным методом*: с одной стороны, постепенное абстрагирование и обобщение от твердых фактов, восходящее к непосредственным предпосылкам дедукции, с другой стороны, проверка гипотетических предложений в обратном направлении через всю последовательность абстракций, вплоть до юридических фактов; в) *мерой прогресса других гуманитарных наук*, в частности психологии, в которую в последнее время перетекают многие философско-правовые проблемы» (Bergbohm 1892: 32-33).

Существенный вклад в развитие психологических теорий права внесли работы немецкого ученого В. Вундта, своего рода отца-основателя психологии как науки. Популярностью у юристов пользовалась не только его работы по общей психологии, но и многотомное сочинение «Психология народов», первый том которой, посвященный языку (Wundt 1900), появился в 1900 г., а 9 том, посвященный праву, – в 1918 г. (Wundt 1918).

В. Вундт считал, что благодаря сравнительным исследованиям в области психологии народов, охватывающей вопросы языка, мифов, нравов, религии, права и других сфер человеческой культуры, можно добиться совершенно нового качества как самой психологической науки, так и всех наук о человеке и обществе. Психология народов, как раздел психологии, должна заняться исследованием «тех психических процессов, которые лежат в основе всеобщего развития человеческих общностей и возникновения совместных духовных результатов относительно общезначимых ценностей» (Wundt

1900: 1). Важным аспектом идентификации психологии народов является прояснение ее отношения к истории. По мнению В. Вундта, психология народов, хотя и занимается аналогичными закономерностями и связями, все же относится к истории народов так же, как «индивидуальная психология к исторической биографии» (Wundt 1900: 3). Психология народов собирает данные этнологии, истории, социологии для формирования своего собственного предмета и метода, но рассматривает соответствующие данные исключительно с точки зрения психологических закономерностей и психологического анализа. Ее интересуют психологические закономерности возникновения и развития языка, формирования мифологических и религиозных представлений, возникновения нравов и нравственных чувств.

В предмет психологии народов включены три самостоятельные проблемы, которые, как пишет В. Вундт, если рассматривать их как чисто психологические, не найдут своего места ни в одной другой науке, в то время как все их существо требует психологического исследования. «Они заключаются в психологических проблемах языка, мифов и нравов. К мифам присоединяются истоки религии и искусства, к нравам – истоки и общие формы развития права и культуры как неотделимые составные части» (Wundt 1900: 30).

В. Вундт предлагает «народно-психологическое рассмотрение права», которое призвано, по сути, помочь сравнительному правоведению восполнить его существенные пробелы, чтобы таким образом «обеспечить подготовительные работы для психологии права, по аналогии с тем, как в области психологии языка и психологии религии в соответствующих исторических и сравнительных науках мы имеем такие подготовительные работы» (Wundt 1918: XI).

Э. Цительман в конце 1870-х гг. занялся фундаментальной разработкой проблемы смысла и последствий заблуждения в праве, влияющего на правовые последствия юридических сделок. В итоге получилось серьезное, основательное исследование мотивов как психологической и юридической категории (Zitelmann: 1879). Он обратил внимание на то, что право как сочетание моментов состава юридически значимого деяния воспринимает большое количество психологических фактов и что для принятия юридического решения требуется психологическое исследование мотивов. Работа Э. Цительмана представляет собой специальное исследование проблемы мотивов, но вскрывает ряд важных вопросов о связи права и психологии.

А. Штурм в 1880-х гг. стал заниматься проблемой источников права, обратив внимание на важность понимания права как психологического факта. Схожие идеи звучат в психологической теории права Л.И. Петражицкого о врожденности права как психологической способности или функции. А. Штурм, в частности, пишет: «Право – это нечто непреодолимое, конечное в нас, что упорядочивает всю нашу жизнь и управляет ею. Это психологический факт внутри нас, и как психологическая способность он не нуждается в каком-либо другом философском обосновании, но и не может быть оправдан, это чувство, а не интеллект, потому что иначе оно не было бы убедительным и обязательным для того, кто отрицает рассматриваемую

философию. Право не зависит от любого мирового благоразумия (политики), но также и от всей мировой мудрости (философии)» (Sturm 1910: 16).

В русской политико-правовой литературе психологические трактовки права стали не просто заметным явлением, они также претендуют на самостоятельное направление с точки зрения включения психологически ориентированных аргументов в набор атрибутов понимания права. Это в первую очередь работы П. Деларова (о трактовке права как психологического факта), Н.М. Коркунова (о роли общения как психологической закономерности развития права), Г.Ф. Шершеневича (о чувстве законности и психологическом значении правового принуждения, а также мотивах поведения), Л.И. Петражицкого (о праве как врожденных императивно-атрибутивных переживаниях и эмоциях) и многих других авторов, обобщение взглядов которых, вкупе с анализом традиционной для русской литературы установки глубокого психологизма, показывает, что психологическое направление правопонимания занимало и занимает важное место в истории российской и зарубежной политико-правовой мысли и может рассматриваться как одно из перспективных направлений формирования современной российской историографической модели политико-правовых знаний.

Одной из основных и популярных тем в области психологических интерпретаций права стало правовое чувство, а в русской литературе к нему добавилось еще и чувство законности (Н.А. Добролюбов, Г.Ф. Шершеневич, К.Н. Ярош (Ярош 1888)).

Профессор Л. Куленбек из швейцарской Лозанны, упрекая современников в недостаточности внимания к смыслу правового чувства, считал его «одним из самых утонченных и высочайших проявлений расцвета духовной жизни человека» (Kuhlenbeck 1907: 16). По его убеждению, правовое чувство представляет собой не просто тему, заслуживающую внимания психологов и юристов, должна сформироваться и развиваться фундаментальная вспомогательная дисциплина под названием «психология правового чувства», которая придет на помощь философии права. Он пишет: «Везде, где (субъективное) право перестает быть предметом чувств, его корень, который, по моему убеждению, является также психологическим корнем объективного права – несомненно, объективное право существует только ради субъективного права, – должен увядать и отмирать» (Kuhlenbeck 1907: 16).

Известный бразильский юрист П. де Миранда из Рио-де-Жанейро писал, что чувство и понятие права представляют собой определенные факторы юридического правила; из них возникает живое право (Miranda 1922). По мнению ученого, чувства выполняют функции общего приспособления людей в соответствии со сложившимся социальным порядком. И если меняются потребности, то меняются и функции, а соответственно, и чувства. Он, в частности, пишет: «То, что содержится в законах, представляет простую возможность без реальности, может стать фактом или нет; позже издание, публичное объявление и т.д. сделают право политическим фактом, явлением государственной, но еще не юридической жизни. Право поглощается юридическими отношениями, юридическими феноменами, так же как добродетель в действиях и истина в объектах. Право стоит на том же уровне, что

и моральное предписание, жизненное правило, философское объяснение. Существует межпсихологическая и межсоциальная детерминация между эстетическими, моральными, религиозными, экономическими, юридическими и другими ценностями» (Miranda 1922: 161).

Уже в начале XX в. раздалась критические голоса об опасности «юриспруденции чувств» (Berolzheimer 1911), которая распространилась как в немецкой, так и во французской юридической литературе (особенно в многотомной «Науке и технике» Ф. Жени (Gény 1914), в труде «Жизнь права и бессилие законов» Ж. Круэ (Cruet 1908)). Примечательно, что известный немецкий правовед Ф. Берольцгеймер пишет о целом направлении – «юриспруденция чувств».

По вопросу психологии правового чувства, интерпретации данного понятия в этике или философии права, включении его в аналитические категории и структуры теории права написаны разнообразны сочинения, которые, однако, в основном эпизодически рассматривают проблему. Это направление юридической мысли пока еще ожидает фундаментальных исследований на основе изучения историографических контекстов темы, данных этики, психологии и других релевантных областей знаний. В одних случаях проблематика правового чувства трансформировалась в этико-психологическую концепцию «человека юридического» (особенно в начале XX в. – М. Ян, Г. Радбрух и др.), в других укрепила позиции методологически ориентированных теорий права, таких как юриспруденция интересов, движение свободного права, различные варианты так называемого правового реализма XX в., особенно психоаналитического направления (А. Эренцвейг о психософии как науке о чувстве справедливости (Ehrenzweig 1973)). Чувство права стало трактоваться как атрибут философско-правовой логики правосознания, элемент коммуникативных и феноменологических аналитических сеток для фиксации смысла права.

Профессор К. Обермайер из немецкого Ерлангена в исследованиях (середина 1980-х гг.) психологии правового чувства сформулировал ряд признаков, по которым оно может идентифицироваться как феномен и соответствующий предмет научного исследования, а также условие совершенствования механизмов правового регулирования и оценки правового поведения. В целом он предлагает понимать под правовым чувством «основополагающую правовую установку² (rechtliche Grundstimmung) лица, которое при конфронтации с правовым вопросом оказывает влияние на его интуитивное решение» (Obermayer 1986: 2). Такого рода юридическое настроение в трактовке ученого представляет неотъемлемую часть характера и относится к сущностным, необъемлемым признакам личности.

Отдельным направлением среди психологических подходов к праву уже давно стало обращение к психоанализу. Из этого выросло целое направление в юриспруденции, которое сегодня привлекает все больше внимания. Из наиболее примечательных следует упомянуть исследования

² Как развивающийся с момента рождения сложный комплекс физиологических, психологических и интеллектуальных компонентов, поясняет сам автор.

о роли психоанализа в совершенствовании уголовного права и практики его применения: Г. Коенена (диссертация 1929 г.) (Coenen 1929), Г. Остермейера (работа 1972 г.) (Ostermeyer 1972), о связи психологии бессознательного с пониманием права, особенно упомянутая выше работа А. Эренцвейга, а также более современные работы П. Лежандра (Legendre 1997), Р. Якоба и М. Ребиндера (Jakob, Reh binder 1987), М. Аристодему (Aristodemou 2014), А. Дейли (Dailey 2017) и др. Ценность названных работ и в целом психоаналитического направления в психологически ориентированных исследованиях права заключается в разработке проблемы связи права и психологии (в данном случае бессознательного) как направления теоретического правоведения, что позволяет совершенно иначе высветить ключевые проблемы понимания права как психологического феномена и факта, показать соответствующие психологические характеристики права, выявляемые с помощью данных психологии, в дополнение к другим – логическим, социальным, историческим и иным значимым признакам.

Психологическое направление в праве может охватывать и другие варианты истолкования права как психологического феномена, предполагающие тот или иной тип разъяснения связи права и психологии. Социально-психологических ориентаций в понимании права придерживались Г. Еллинек, И.А. Покровский, Е.В. Спекторский, Г.Ф. Шершеневич и другие авторитетные правоведы. Для более полного раскрытия потенциала, диапазона и композиционных характеристик, познавательных приемов необходимы разработки как общетеоретических, так и специальных вопросов психологического направления в юридической мысли. В русле истории политической и правовой мысли, например, историческая психология может стать важным дополнением при рассмотрении традиционной проблематики учений прошлого и современности. В этом отношении значительный потенциал имеют русская и французская литература соответствующего профиля, философско-логические и логико-когнитивные исследования истории в психологическом ключе, характерные для английской литературы XX в.

С историографических позиций реконструкция психологических теорий права в их оформлении, развитии, сюжетной композиции и жанровых характеристиках в составе юридической и философско-правовой литературы показывает их роль и значение как направления теоретического правоведения. Оно оформляется в русской и зарубежной литературе уже с начала XIX в. Причем типологические разъяснения и трактовки в русле психологических теорий права могут и должны быть дополнены более глубоким изучением отдельных профилей русской, немецкой, французской литератур. Для науки политико-правовых учений большую значимость имеет глубокое разъяснение вопросов психологического понимания права на основе более точного формирования контура соответствующих историографических исследований, включение в него приемов общего и специального литературного анализа, обособления композиционных характеристик подходов национальных литератур при изучении права с точки зрения его психологических аспектов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Деларов П. 1878. Очерки по энциклопедии права : Очерк 1. О праве в ряду других сфер умственной жизни человека. Т. 1. Санкт-Петербург : Тип. Б.Г. Янпольского. 552 с.
- Леонтьев А.Н. 2012. Эволюция, движение, деятельность. Москва : Смысл. 559 с.
- Савенков Д.А. 2022. Психологические теории права в России и за рубежом во второй половине XIX – первой половине XX в.: теоретико-методологический аспект. Москва : [б. и.]; Саратов : Амирит. 289 с.
- Тэн И. 1896. О методе критики и об истории литературы : О методе критики и об истории литературы. Санкт-Петербург : И. Юровский. 64 с.
- Фейербах П.А. 1810. Уголовное право. Санкт-Петербург : В Медицинской типографии, 1810-1827. Кн. 1. 144 с.
- Франк С. 1909. Предисловие / Гуссерль Э. Логические исследования ; разреш. авт. пер. с нем. Э. А. Берштейн; под ред. и с предисл. С. Л. Франка. Ч. 1. Санкт-Петербург. 224 с.
- Шершеневич Г.Ф. 2001. История философии права. СПб.: Лань и др. 525 с.
- Ярош К.Н. 1888. Чувство законности и мировая юстиция. Харьков : тип. М.Ф. Зильберберга. 57 с.
- Ahrens H. 1870. *Naturrecht, oder Philosophie des Rechts und des Staates: Auf dem Grunde des ethischen Zusammenhanges von Recht und Kultur.* Bd. 1. Die Geschichte des Rechtsphilosophie und die allgemeinen Lehren. 6., durchaus neu bearb., durch die Staatslehre und die Prinzipien des Völkerrechts verm. Aufl. Wien: Gerold. 390 S.
- Aristodemou M. 2014. *Law, psychoanalysis, society: taking the unconscious seriously.* Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge. 179 p.
- Bergbohm K. 1892. *Jurisprudenz und Rechtsphilosophie: kritische Abhandlungen.* Teil : Bd. 1 : Einleitung. Abh. 1 : Das Naturrecht der Gegenwart. Leipzig : Duncker & Humblot. 592 S.
- Berolzheimer F. 1911. *Die Gefahren einer Gefühlsjurisprudenz in der Gegenwart. Rechtsgrundsätze für Freie Rechtsfindung//Archiv für Rechts- und Wirtschaftsphilosophie,* vol. 4, no. 4. S. 595–610.
- Bierling E.R. 1877. *Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe.* Teil : 1. Th. Gotha : Perthes. 172 S.
- Bierling E.R. 1883. *Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe.* Teil : 2. Th. Gotha : Perthes. 364 S.
- Bierling E.R. 1961. *Juristische Prinzipienlehre: in 5 Bänden.* Teil: Bd. 1. Neudr. d. Ausg. Tübingen : Aalen: Scientia Verl. 350 S.
- Coenen H. 1929. *Strafrecht und Psychoanalyse.* Breslau : Schletter. 96 S.
- Cruet J. 1908. *La vie du droit et l'impuissance des lois.* Paris : Ernest Flammarion, éditeur. 372 p.
- Dailey A. 2017. *Law and the unconscious: a psychoanalytic perspective.* New Haven ; London : Yale University Press. 283 p.
- Ehrenzweig A.A. 1973. *Psychoanalytische Rechtswissenschaft.* Berlin : Duncker & Humblot. 467 S.
- Gény F. 1914. *Science et technique en droit privé positif : nouvelle contribution à la critique de la méthode juridique.* 1 : Introduction, Première Partie : position actuelle du problème du droit positif et éléments de sa solution. Paris : Recueil Sirey. 212 p.
- Jakob R., Reh binder M. (Hrsg.). 1987. *Beiträge zur Rechtspsychologie. Schriftenreihe zur Rechtssoziologie und Rechtstatsachen-forschung (RR), Band 64 / hrsg. von Raimund Jakob und Manfred Reh binder.* Berlin : Duncker & Humblot. 232 S.

- Jhering R. 1852. Der Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Erster Teil. Leipzig. 336 S.
- Jhering R. 1854. Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Teil : Th. 2, Abth. 1. Leipzig : Breitkopf und Härtel. 320 S.
- Jhering R. 1872. Der Kampf um's Recht. Wien : Manz. 100 S.
- Jhering R. 1889. Der Besitzwille : zugleich eine Kritik der herrschenden juristischen Methode. Jena : Fischer. 540 S.
- Jhering R. 1904. Der Zweck im Recht. Teil : Bd. 1. 4. Aufl. Leipzig : Breitkopf & Härtel. 445 S.
- Jhering R. 1905. Der Zweck im Recht. Teil : Bd. 2. 4. Aufl. Leipzig : Breitkopf & Härtel. 593 S.
- Jhering R. 1965. Über die Entstehung des Rechtsgefühls // Rudolf von Jhering. Der Kampf ums Recht. Ausgewählte Schriften mit einer Einleitung von G. Radbruch. Nürnberg. S. 275-303.
- Jhering R. 1998. Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft? : Jherings Wiener Antrittsvorlesung vom 16. Oktober 1868. Aus dem Nachlaß hrsg. und mit einer Einführung, Erläuterungen sowie einer wiss.-geschichtl. Einordnung versehen von Okko Behrends. Göttingen : Wallstein-Verl. 208 S.
- Kaufmann A. et al. (Hrsg.). 2004. Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / A. Kaufmann, W. Hassemer, P.M.U. Neumann (Hrsg.). Mit Beitr. von Alfred Büllesbach ... 7., neu bearb. und erw. Aufl. Heidelberg : Müller. 515 S.
- Kelsen H. 2017. Reine Rechtslehre : mit einem Anhang : das Problem der Gerechtigkeit; unter Berücksichtigung von Kelsens Änderungen anlässlich der Übersetzung ins Italienische 1966 herausgegeben und eingeleitet von Matthias Jestaedt. Studienausgabe der 2. Auflage 1960. Tübingen : Mohr Siebeck; Wien : Verlag Österreich. 827 p.
- Kirchmann J.H. 1848. Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft : ein Vortrag. Berlin : Springer. 44 S.
- Kuhlenbeck L. 1907. Zur Psychologie Des Rechtsgefühls // Archiv Für Rechts- Und Wirtschaftsphilosophie, vol. 1, no. 1, Franz Steiner Verlag. S. 16–25.
- Legendre P. 1997. Law and the unconscious : a Legendre reader. London : Macmillan. 270 p.
- Miranda P. de. 1922. Rechtsgefühl und Begriff des Rechts // Archiv für Rechts- Und Wirtschaftsphilosophie, vol. 16, no. 2. S. 157–96.
- Obermayer K. 1986. Über das Rechtsgefühl // JuristenZeitung, vol. 41, no. 1. S. 1–5.
- Ostermeyer H. 1972. Strafrecht und Psychoanalyse. München : Goldmann. 120 S.
- Sturm A. 1910. Die psychologische Grundlage des Rechts : ein Beitrag zur allgemeinen Rechtslehre und zum heutigen Friedensrecht; unter Benutzung der vom Auswärtigen Amt zur Verfügung gestellten Rechtsquellen. Hannover : Helwing. 531 S.
- Wundt W. 1900. Völkerpsychologie : eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte. Bd. 1, Die Sprache. Theil 1. Leipzig : Engelmann. 627 S.
- Wundt W. 1918. Völkerpsychologie : eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte. Teil : Bd. 9 : Das Recht. Leipzig : Kröner. 484 S.
- Zitelmann E. 1879. Irrtum und Rechtsgeschäft : eine psychologisch-juristische Untersuchung. Leipzig : Duncker u. Humblot. 614 S.

References

Ahrens H. *Naturrecht, oder Philosophie des Rechts und des Staates: Auf dem Grunde des ethischen Zusammenhanges von Recht und Kultur. Bd. 1. Die Geschichte der Rechtsphilosophie und die allgemeinen Lehren. 6., durchaus neu bearb., durch die Staatslehre und die Prinzipien des Völkerrechts verm* [Natural law, or Philosophy of law and the state: On the basis of the

ethical connection of law and culture. Bd. 1. The history of the philosophy of law and the general teachings. 6th, quite re-edited., by the doctrine of the state and the principles of international law verm], Wien, Gerold, 1870, 390 p. (in German).

Aristodemou M. *Law, psychoanalysis, society: taking the unconscious seriously*, Abingdon, Oxon, New York, NY, Routledge, 2014, 179 p.

Bergbohm K. *Jurisprudenz und Rechtsphilosophie: kritische Abhandlungen. Teil: Bd. 1: Einleitung. Abh. 1: Das Naturrecht der Gegenwart* [Bergbohm K. Jurisprudence and philosophy of law: critical treatises. Bd. 1: Introduction. Depend. 1: The natural law of the present], Leipzig, Duncker & Humblot, 1892, 592 p. (in German).

Berolzheimer F. *Die Gefahren einer Gefühlsjurisprudenz in der Gegenwart. Rechtsgrundsätze für Freie Rechtsfindung* [The dangers of emotional jurisprudence in the present. Legal principles for Free legal determination], *Archiv Für Rechts- Und Wirtschaftsphilosophie*, 1911, vol. 4, no. 4, 1911, pp. 595–610. (in German).

Bierling E.R. *Juristische Prinzipienlehre: in 5 Bänden. Teil: Bd. 1. Neudr. d. Ausg. Tübingen 1894* [Juristische Prinzipienlehre. In 5 vols. Vol. 1. Ed. Tübingen 1894], Aalen, Scientia Verl., 1961, 350 p. (in German).

Bierling E.R. *Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe. Teil :1.* [Criticism of the basic legal concepts. Pt. 1] Gotha, Perthes, 1877, 172 p. (in German).

Bierling E.R. *Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe. Teil: 2.* [Criticism of the basic legal concepts. Pt. 2] Gotha, Perthes, 1883, 364 p. (in German).

Coenen H. *Strafrecht und Psychoanalyse* [Criminal law and psychoanalysis], Breslau, Schletter, 1929, 96 p. (in German).

Cruet J. *La vie du droit et l'impuissance des lois* [The life of the law and the impotence of the laws], Paris, Ernest Flammarion, ed. 1908, 372 p. (in French).

Dailey A. *Law and the unconscious: a psychoanalytic perspective*, New Haven, London, Yale Univ. Press, 2017, 283 p.

Delarov P. *Ocherki po entsiklopedii prava. Ocherk 1. O prave v ryadu drugikh sfer umstvennoy zhizni cheloveka. T. 1* [Essays on the encyclopedia of law: Essay 1. On law in a number of other spheres of human mental life. Vol. 1], St. Petersburg, 1878, Tip. B.G. Yanpol'skogo, 552 p. (in Russ.).

Ehrenzweig A.A. *Psychoanalytische Rechtswissenschaft* [Psychoanalytic Jurisprudence]. Berlin, Duncker & Humblot, 1973, 467 p. (in German).

Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart [Introduction to legal philosophy and legal theory of the present], Kaufmann A., Hassemmer W., Neumann P.M.U. (eds.) ; Mit Beitr. von: A.lfred Büllesbach [et all.]..., 7th neuw ed., rev. and enl., Heidelberg, Müller, 2004, 515 p. (in German).

Feuerbach P.I.A. *Ugolovnoe pravo. Kn. 1* [Criminal law. B. 1], St. Petersburg, V Meditsinskoy tipografii, 1810, 144 p. (in Russ.).

Frank S. *Predislovie* [Preface Preface], *Husserl E. Logical research, Pt. 1*, St. Petersburg, 1909, 224 p. (in Russ.).

Gény F. *Science et technique en droit privé positif: nouvelle contribution à la critique de la méthode juridique. 1: Introduction, Première Partie: position actuelle du problème du droit positif et éléments de sa solution* [Science and technology in positive private law: a new contribution to the criticism of the legal method. 1: Introduction. Pt. 1: current position of the problem of positive law and elements of its solution], Paris, Recueil Sirey, 1914, 212 p. (in French).

Jakob R., Reh binder M. (eds.). *Beiträge zur Rechtspsychologie. Schriftenreihe zur Rechtssoziologie und Rechtstatsachen-forschung (RR), Band. 64* [Beiträge zur Rechtspsychologie. Series of publications on the sociology of law and legal facts-research (RR), Vol. 64], 1987, 232 p. (in German).

Jhering R. *Der Besitzwille: zugleich eine Kritik der herrschenden juristischen Methode* [The will to possess: at the same time a critique of the prevailing legal method], Jena, Fischer, 1889, 540 p. (in German).

Jhering R. *Der Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Erster Teil* [The spirit of Roman law at the various stages of its development. Pt. 1], Erster Teil. Leipzig, 1852, 336 p. (in German).

Jhering R. *Der Kampf um's Recht* [The fight for justice], Wien, Manz, 1872, 100 p. (in German).

Jhering R. *Der Zweck im Recht* [The purpose of the law], vol. 1, 4th ed., Leipzig, Breitkopf & Härtel, 1904, 445 p. (in German).

Jhering R. *Der Zweck im Recht* [The purpose of the law], vol. 2, 4th ed., Leipzig, Breitkopf & Härtel, 1905, 593 p. (in German).

Jhering R. *Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung* [The spirit of Roman law at the various stages of its development], vol. 2, ch. 1, Leipzig, Breitkopf und Härtel, 1854, 320 p. (in German).

Jhering R. *Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft?: Jherings Wiener Antrittsvorlesung vom 16. Oktober 1868. Aus dem Nachlaß hrsg. und mit einer Einführung, Erläuterungen sowie einer wiss.-geschichtl. Einordnung versehen von Okko Behrends* [Is jurisprudence a science?: Jhering's Inaugural Lecture in Vienna on 16 October 1868. From the estate of ed. and with an introduction, explanations and a wiss.-history. Arranged by Okko Behrends], Göttingen, Wallstein-Verl., 1998, 208 p. (in German).

Jhering R. *Über die Entstehung des Rechtsgefühls* [About the emergence of the sense of right], R. von Jhering. *Der Kampf ums Recht. Ausgewählte Schriften mit einer Einleitung von G. Radbruch*, Nürnberg, 1965, pp. 296. (in German).

Kelsen H. *Reine Rechtslehre: mit einem Anhang: das Problem der Gerechtigkeit ; unter Berücksichtigung von Kelsens Änderungen anlässlich der Übersetzung ins Italienische 1966 herausgegeben und eingeleitet von Matthias Jestaedt. Studienausgabe der 2. Auflage 1960* [Reine Rechtslehre: with an appendix: the problem of justice ; taking into account Kelsen's changes on the occasion of the translation into Italian published in 1966 and introduced by Matthias Jestaedt. Study edition of the 2nd ed. 1960], Tübingen, Mohr Siebeck, Wien, Verlag Österreich, 2017, 827 p. (in German).

Kirchmann J.H. *Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft: ein Vortrag* [The worthlessness of jurisprudence as a science: a lecture], Berlin, Springer, 1848, 44 p. (in German).

Kuhlenbeck L. *Zur Psychologie Des Rechtsgefühls* [The Psychology Of The Sense Of Right], *Archiv Für Rechts- Und Wirtschaftsphilosophie*, vol. 1, no. 1, Franz Steiner Verlag, 1907, pp. 16–25. (in German).

Legendre P. *Law and the unconscious: a Legendre reader*, London, Macmillan, 1997, 270 p.

Leontiev A.N. *Evoljutsiya, dvizhenie, deyatel'nost'* [Evolution, movement, activity], Moscow, Smysl., 2012, 559 p. (in Russ.).

Miranda P. *Rechtsgefühl und Begriff des Rechts* [Sense of law and concept of law], *Archiv für Rechts- Und Wirtschaftsphilosophie*, vol. 16, no. 2, 1922, pp. 157–96. (in German).

Obermayer K. *Über das Rechtsgefühl* [About the sense of right], *Juristen Zeitung*, vol. 41, no. 1, 1986, pp. 1–5. (in German).

Ostermeyer H. *Strafrecht und Psychoanalyse* [Criminal law and psychoanalysis], München, Goldmann, 1972, 120 p. (in German).

Savenkov D.A. *Psichologicheskie teorii prava v Rossii i za rubezhom vo vtoroy polovine XIX – pervoy polovine XX v.: teoretiko-metodologicheskij aspekt* [Psychological theories of law in Russia and abroad in the second half of the XIX-first half of the XX

century: theoretical and methodological aspect], Moscow, Saratov, Amirit, 2022, 289 p. (in Russ.).

Shershenevich G.F. *Istoriya filosofii prava* [History of philosophy of law], St. Petersburg, Lan' i dr., 2001, 525 p. (in Russ.).

Sturm A. *Die psychologische Grundlage des Rechts: ein Beitrag zur allgemeinen Rechtslehre und zum heutigen Friedensrecht; unter Benutzung der vom Auswärtigen Amt zur Verfügung gestellten Rechtsquellen* [The psychological basis of law: a contribution to the general theory of law and to today's peace law; using the legal sources provided by the Federal Foreign Office], Hannover, Helwing, 1910, 531 p. (in German).

Taine H. *O metode kritiki i ob istorii literatury : O metode kritiki i ob istorii literatury* [On the method of criticism and on the history of literature: On the method of criticism and on the history of literature], St. Petersburg, I. Yurovskiy, 1896, 64 p. (in Russ.).

Wundt W. *Völkerpsychologie: eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte. Bd. 1, Die Sprache. Theil 1* [Psychology of peoples: an examination of the laws of development of language, myth and custom. Bd. 1. The language. Pt. 1], Leipzig, Engelmann, 1900, 627 p. (in German).

Wundt W. *Völkerpsychologie: eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte. Teil: Bd. 9: Das Recht* [Psychology of peoples: an examination of the laws of development of language, myth and custom. Bd. 9: The right], Leipzig, Kröner, 1918, 484 p. (in German).

Yarosh K.N. *Chuvstvo zakonnosti i mirovaya yustitsiya* [Sense of legality and world justice], Kharkov, tipogr. M.F. Zilberberga, 1888, 57 p. (in Russ.).

Zitelmann E. *Irrtum und Rechtsgeschäft: eine psychologisch-juristische Untersuchung* [Error and legal transaction: a psychological-legal investigation], Leipzig, Duncker u. Humblot, 1879, 614 p. (in German).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Сергеевич Горбань

доктор юридических наук, заведующий сектором философии права, истории и теории государства и права, руководитель междисциплинарного центра философско-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия;

ORCID: 0000-0002-8054-2605

ResearcherID: AAD-4923-2020

SPIN-код: 2337-9180

E-mail: gorbav@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir S. Gorban

Doctor of Law (habil.), Head of the Department of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Head of the Interdisciplinary Center for Philosophical and Legal Studies at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,

Moscow, Russia;

ORCID: 0000-0002-8054-2605

ResearcherID: AAD-4923-2020

SPIN-code: 2337-9180

E-mail: gorbav@gmail.com